

УДК 130. 1

Василькова Валерия Валентиновна

(Санкт-Петербург, Россия)

АКСИОМАТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ: ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Аннотация: В статье рассматривается влияние основных типов рациональности (классического, неклассического, постнеклассического) на аксиоматику в изучении культуры, а именно на способы понимания культуры и методов ее анализа. Показано, что основным акцентом в постнеклассическом подходе становится изучение культурных смыслов, которые конструируются в социальной коммуникации и определяют развитие социальных систем, институтов и процессов.

Ключевые слова: тип рациональности, самореферентность, аутопоезис, коэволюция.

Анотація: У статті розглядається вплив основних типів раціональності (класичного, некласичного, постнекласичного) на аксіоматику у вивченні культури, а саме на способи розуміння культури і методів її аналізу. Показано, що основним акцентом у постнекласичному підході стає вивчення культурних смислів, які конструюються в соціальній комунікації і визначають розвиток соціальних систем, інститутів і процесів.

Ключові слова: тип раціональності, самореферентність, аутопоезис, коєволюція.

Summary: The article discusses the influence of the main types of rationality (classical, non-classical, post-non-classical) in axiomatic of the study of culture, namely the ways of understanding culture and its methods of analysis. It is stressed the focus in post-non-classical approach is a research of cultural meanings that are constructed in frame of social communication and determine the development of social systems, institutions and processes.

Key words: type of rationality, auto-referentiality, auto-poesis, co-evolution.

Теория культуры (как в западноевропейской, так и в постсоветской культурологической традициях) отличается полипарадигмальностью и междисциплинарностью. Эта когнитивная неоднородность хотя и создает определенные сложности в образовании и особую дискуссионную напряженность в научном сообществе, тем не менее, отражает специфику любого социогуманитарного знания, наиболее бурно развивающегося во второй половине XX века.

Чтобы понять теоретическую и методологическую многослойность исследовательского ландшафта изучения культуры, необходимо, на наш взгляд, понять логику эволюции исследовательских парадигм в более общем контексте смены основных типов рациональности.

Основные типы рациональности (классический, неклассический и постнеклассический) различаются уровнем изучаемых системных объектов, способами объяснения, доказательности и построения знания, а также уровнем философско-методологической рефлексии. Изменение познавательной диспозиции связано с изменением в понимании (конструировании) объекта исследования – культуры. Каждому типу рациональности

соответствует своя аксиоматика в изучении культуры – набор паттернов, образцов трактовки культуры и методов ее анализа.

Эволюция типов рациональности была обусловлена не только развитием методологии естественных и социогуманитарных наук, но главным образом процессом их взаимовлияния, взаимопроникновения методов различных наук в ходе усиления тенденции междисциплинарности.

Классический тип рациональности, доминирующий с конца XIX до середины XX века, основан на противопоставлении познающего субъекта и познаваемого объекта и поиске неизменных объективных законов развития культурных систем различного уровня. Он представлен в таких подходах как эволюционизм, функционализм, системный подход, цивилизационный подход, социологический подход, структурализм и т.п.

Аксиоматика в изучении культуры концентрируется вокруг изучения законов развития объективно сложившихся культурных систем, институтов и процессов – выявлении этих закономерностей с явным или неявным намерением влиять на такие системы, институты и процессы в рамках так называемой культурной политики.

Так в рамках классического социологического структурализма Т.Парсонса культурная система рассматривается как один из основных подсистем человеческого сообщества наряду с такими, как организм, личностная и социальная система. Культурная система как совокупность «исторического опыта» (идей, идеалов, ценностей и т.д.) выполняет функцию «поддержания образца», конкретизируя идеи в нормах социальной системы и интернализируя их в системе личности. Без культуры невозможны ни человеческие личности, ни социальные системы, т.к. культура обеспечивает эталоны (ценностные ориентации), которые используются в процессах оценивания [3, с.437].

Впрочем, важно оговориться, что, по мнению Т.Парсонса, культурные объекты имеют специфическую природу: они существуют только «в головах индивидов», сами по себе не могут быть обнаружены внешним наблюдением.

Можно наблюдать лишь «символические манифестации» так называемых «вечных объектов».

Тем не менее, как отмечает Парсонс, «нельзя отрицать, что описания культурных систем имеют статус науки, если под этим подразумевать совокупность объективно проверяемых утверждений. Ибо если допустить, а это необходимо, что значения символов поддаются наблюдению, то отсюда неизбежно следует существование верифицируемого знания о вечных объектах» [3, с.312].

Сами культурные системы могут быть дифференцированы на функциональные подсистемы в соответствии с определенными характеристиками: уровень когнитивной общности, уровень общности категорического значения, оценочный уровень предельного обоснования значений [3, с.745]. Речь идет о соотношении подсистем науки, философии, религии, искусств.

Целью классического социологического структурализма является анализ функциональных и структурных соотношений этих элементов (подсистем) в культурной системе и в целостной иерархии социальной системы.

Важно подчеркнуть, что классический тип рациональности по сию пору является базовым в современной науке (в том числе, и в области изучения культуры). На основе этой эпистемологической традиции пишутся современные учебники, конструируются демаркационные очертания наук. Думается, что основной причиной этого феномена является установка на социальное значение научного знания, позволяющая надеяться на эффективность функции управления действительностью, преобразования окружающего мира. Подобное понимание культуры в контексте классического типа рациональности побуждает исследователей культуры уделять особое внимание таким видам деятельности как культурная экспертиза и культурная политика, поскольку именно в таких видах деятельности, по их мнению, реализуется социальное предназначение науки о культуре – преобразование культурных объектов и тем самым – современных социальных систем.

Говоря словами Т.Парсонса, «один из основных компонентов культурной системы, а именно, оценочный, обладает стратегической важностью для общества» [2, с. 731].

Неклассический тип рациональности, сложившийся в социогуманитарном знании в середине XX века, не в последнюю очередь под влиянием герменевтики и постпозитивизма, основан на субъект-субъектной познавательной диспозиции. Он учитывает связь между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности, в которой обнаруживается и познается объект.

В аксиоматику изучения культуры была включена «ценность Другого», духовно-антропологическая составляющая, заставившие перенести акцент на исследование творчества, культурных ценностей, субъективного наполнения и производства культурных значений. Неклассический тип рациональности наиболее полно представлен в таких подходах как деятельностный, семиотический, феноменологический, аксиологический, герменевтический и т.п.

Неклассический тип рациональности находит свое воплощение, в частности, в методологии социального конструктивизма. Родоначальники этого направления П.Бергер и Н.Лукман в своей работе «Социальное конструирование реальности» провозгласили, что человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором он живет с другими: «человек творит реальность и тем самым творит самого себя» [1, с.295]. В этом контексте предметом наук об обществе становится не «динамика» социальных и психологических систем, а диалектика между человеческим делом конструирования реальности в истории и структурными реальностями.

Важным понятием в рамках конструктивистского подхода, выросшим из феноменологической традиции формирования новых смыслов через типизацию различных «миров опыта», становится понятие символических универсумов. «Символический универсализм понимается как матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений» [1, с.158]. Он включает и смыслы, конструируемые в истории общества, и

смыслы, порождаемые в индивидуальной жизни в различных сферах реальности (сны, фантазии и т.д.)

Символические универсумы – социально-исторические продукты. Символический универсум упорядочивает историю, поскольку связывает коллективные события в единое целое, включающее прошлое, настоящее и будущее, поэтому человек может считать себя сопричастным смысловому универсуму, который существовал до его рождения и будет существовать после его смерти.

Кроме того, символические универсумы осуществляют интеграцию всех разрозненных институциональных процессов. Все общество приобретает в них смысл. Отдельные институты и роли легитимируются благодаря их включению во всеобъемлющий смысловой мир [1, с.169]. Концептуальными механизмами поддержания символических универсумов выступают мифологии, философии, теологии, науки и т.д.

Не трудно заметить, что символический универсум в контексте неклассического конструктивистского подхода становится синонимом культуры, а его изучение ориентирует исследования культуры на процессы смыслопорождения.

Если социальную реальность рассматривать как «реальность, социально сконструированную», то в изучении культуры наиболее актуальным становится не стабилизирующая функция культуры, а ее креативная функция, связанная с производством нового (отсюда – особый интерес к проблеме творчества в культуре, понимание культуры как результата творческих свершений и новаций отдельных личностей и социальных групп).

Важнейшие механизмы и способы культурного конструирования (в первую очередь, конструирования новых смыслов) изучает герменевтика. В соответствии с герменевтической традицией понимание и смыслопорождение происходит через практику работы с текстами, через соотношение их содержания с опытом «современности». Это своего рода постоянный, непрекращающийся диалог, посредством которого рождается (конструируется) новый смысл.

При этом не следует думать, что неклассический конструктивистский герменевтический подход является уделом отрешенных от мира интеллектуалов (своего рода «игрой в бисер»). Такой подход активно используется в анализе современных культурных практик, в частности, в изучении деятельности СМИ, рекламы, PR, в исследованиях, посвященных конструированию интернет-пространства и т.д.

Постнеклассический тип рациональности, сформировавшийся в последней четверти XX века под влиянием постмодернизма, эволюционной эпистемологии, наиболее полно представлен в синергетическом подходе к изучению физических и духовных объектов. Этот тип рациональности учитывает соотношение получаемых знаний не только со средствами познавательной деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Позиция исследователя встроена в исследуемый объект (принцип включенного наблюдателя). Познание рассматривается как конструирование бытия сознанием, наука предстает не просто как система теоретических положений, а как интерпретативная практика, укорененная в объективном мире (принципы самореферентности и аутопоэзиса). Познание осуществляется как коммуникативный процесс, осуществляемый в ходе активного воздействия на сам объект познания (принцип коэволюции). Возникающее в ходе этой коммуникации и интерпретации смыслообразование, в свою очередь, воздействует на окружающий мир (объект исследования), меняя его. Таким образом, рост знания рассматривается не как накопление «теоретических копий» действительности, но как постоянный процесс конструирования информации, получаемой в результате взаимодействия организма со средой (принцип структурного сопряжения).

Постнеклассический поворот в познании трансформирует аксиоматику изучения культуры. Главным акцентом становится изучение культурных смыслов, которые конструируются в социальной коммуникации и меняют «судьбу» социальных систем, институтов и процессов. Культурные смыслы невидимы и порой сложно идентифицируемы, но именно

они предстают не только способом самоопи- сания, но и способом самопорождения общества. Целью изучения культуры становится обнаружение и выявление генезиса таких культурных смыслов, выполняющих функцию социальных «эйдосов».

С точки зрения постнеклассического подхода культурные смыслы не первичны (как в субъективистской традиции), и не вторичны (как в объективистской традиции). Они синхронизируют природу окружающей среды и субъективную природу конструирования культурных процессов, выявляя неявное, устанавливая «параметры порядка» в хаосе культурных взаимодействий.

Среди известных современных теорий культуры наиболее близки к такой позиции идеи Дж. Александера, понимающего культуру «не как вещь, а как измерение».

Сразу следует оговориться, что в отличие, например, от Н.Лумана, представляющего свои идеи в дискурсе теории самоорганизации («аутопоэтические самореферентные системы», «кибернетика второго порядка» и т.д.), Дж.Александр использует более привычную для традиционного социального знания терминологию. Однако его взгляд на культуру, по нашему мнению, вполне соответствует ее постнеклассической версии.

Симптоматично, что Дж.Александр синтезировал в своем методологическом подходе структурно-функциональный анализ и герменевтику. За этим трендом, отражающим эволюцию личного пути исследователя, стоит глобальная закономерность становления постнеклассического подхода – диалектический синтез этих двух предшествующих ему подходов (где классический подход выступает в роли «тезиса», а неклассический – в роли «антитезиса»).

В своей работе «The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology» [См.: 4] Александр ставит вопрос о том, классическая социология культуры с доминирующим в ней структурно-функциональным анализом (который изучает «устойчивые» переменные социальной структуры) представляет собой «слабую программу» изучения культуры, поскольку культура здесь представляется «неустойчивой»,

зависимой переменной, задействованной в репродукции социальных отношений. Переход к «сильной программе» изучения культуры предполагает провозглашение принципа «культурной автономии», т.е. аналитический разрыв культуры и социальной структуры, а также включение в эту программу герменевтического анализа (изучение культуры как текста, создание формальных моделей).

Новая «сильная программа» ставит своей целью обнаружить причинные связи (обусловленности) между акторами и организациями, детальное рассмотрение того, как культура влияет на ход событий, как формируются культурные смыслы, которые регулируют общество. По мнению Александра, социально сконструированная субъективность формирует волю социальных сообществ, правила организаций, моральную составляющую закона, придает смысл и мотивацию технологиям, экономике, идеологиям и т.д. Культура становится для исследователя не вещью, а измерением, не объектом для изучения в качестве зависимой переменной, а «нитью, пронизывающей любую социальную форму». Задачей исследователя в таком случае становится «расшифровка сложных символических кодов», определяющих судьбы индивидов, социальных групп и наций.

Применение манифестируемого подхода Александер демонстрирует на примерах анализа таких явлений, как, например, Холокост и Уотергейтское дело.

Важно, на наш взгляд, подчеркнуть, что постнеклассическая версия не просто трансформирует аксиоматические акценты в изучении культуры, но и меняет сам статус науки о культуре. Из периферийной области социального знания она перемещается в центр интеллектуального ландшафта социогуманитарного знания, поскольку предметом ее анализа становится выявление ключевых механизмов происхождения и развития социальных трендов, обнаружение скрытых причин морфологии социального.

Литература:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Издательство «Медиум», 1995.
2. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф.Чесноковой, С.А.Белановского, М.: Академический проект, 2002.
3. Парсонс Т. О Структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
4. Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. New-York: Oxford University Press. 2003.